

— Жухуа, можно... купить шесть раз «Счастье расставания»? — робко спросила Вэнь Цин.

Вэнь Цин молчала.

— Но ведь это не совсем моя вина, — попыталась оправдаться Жухуа. — Я же предупреждала тебя в самом начале: инвестиции в акции сопряжены с риском, нужно быть осторожной...

— Не смей нести мне эту чушь! — Вэнь Цин почувствовала, как внутри всё похолодело. Она яростно пригрозила: — Слушай сюда, пёсья система, деньги — это моя жизнь! Если я прогорю на этом, то потяну Цзян Юньцзюань за собой в могилу. Мне плевать, станет она злодейкой или нет, мне плевать, баг она или не баг!

— Х-хорошо...

Жухуа впервые видела Вэнь Цин в такой ярости и была немало напугана.

У него возникло странное ощущение: если бы у него было физическое тело, разъяренная Вэнь Цин разорвала бы его на клочки.

Жухуа тихо кашлянул и поспешил исправить положение:

— Вэнь Цин, ты сначала остынь. Я сейчас же буду следить за всем и обо всём тебе докладывать!

Вэнь Цин, скрипя зубами от злости, указала пальцем на дверь и закричала:

— Тварь! Убирайся! Проваливай сейчас же! Чтобы я тебя больше никогда не видела!

С того момента, как Цзян Юньцзюань позвонила, прошло десять минут. Старик Хэ с двумя слугами ждал у главных ворот резиденции Цзян.

Один из слуг с сомнением спросил:

— Разве госпожа Цзян не собирается разводиться с женой? Почему она тогда пригласила её сюда, чтобы та играла на суоно?

— Мне кажется, тут всё не так просто, — подумал другой слуга и продолжил: — Может, госпоже Цзян нравятся женщины, умеющие играть на суоно? Кто знает, вдруг это последний шанс, который она дает жене? Если та сыграет хорошо, то наверняка сможет прочно захватить сердце госпожи Цзян!

— О... вот оно что. Но... умеет ли жена вообще играть на суоно?

— Наверное, умеет? Разве не говорили, что если она не возвращается в резиденцию, то каждый день ходит на частные уроки?

— Ц-ц-ц, как же сильно она любит этот суоно... — вздохнул он, а затем добавил: — Но о чем она вообще думает? Будучи супругой президента корпорации Цзян, почему она интересуется такими вещами?

— А что не так с суоно? По твоим словам выходит, что ты презираешь этот инструмент?

— Нет-нет, я просто любопытствую. Вчера слышал от одного приятеля: у них жена президента

так громко играет на пианино! И выбирает для этого глубокую ночь, мол, ночные звуки создают особое настроение. В итоге весь дом на ушах стоит.

— И такое бывает?

— Еще как! Мой приятель уже несколько ночей не может уснуть!

— Играет очень плохо?

— Эх, это еще мягко сказано. Но хотя бы пианино — это солидно, звучит прилично. Почему же наша жена предпочитает такие народные инструменты, как суоно или эрху?

— Вот тут ты ничего не понимаешь! Народные инструменты — это же мощь! Как говорится, тысячелетняя пипа, десяти тысячелетняя чжэн, всю жизнь с эрху, а как зазвучит суоно — так всему конец!

— О-о-о, я понял! Она просто хочет отправить госпожу Цзян на тот свет!

— Ха-ха-ха! Веришь или нет, но если госпожа Цзян это услышит, она сначала отправит на тот свет тебя!

Пока они хихикали, никто не заметил, что Цзян Юньцзюань уже давно приехала и молча наблюдала за ними.

Из-за ремонта дороги рядом с резиденцией Старику Хэ пришлось высадить её заранее, и Цзян Юньцзюань добиралась до дома пешком.

Когда они наконец заметили её, было уже поздно.

Ноги слуг подкосились, они чуть не рухнули на колени.

Цзян Юньцзюань явно слышала весь их разговор, лицо её было пугающе холодным.

Старик Хэ первым пришел в себя и поспешил отчитать их:

— Что за чепуху вы тут несете! Половину премии в этом месяце долой! А теперь марш внутрь!

Оба, дрожа от страха, закивали:

— Да-да! Мы поняли свою ошибку!

Сказав это, они бросились наутек, и даже на бегу у них дрожали икры.

Когда все ушли, Старик Хэ тут же повернулся к подошедшей Цзян Юньцзюань с улыбкой:

— Госпожа Цзян, вы так быстро закончили совещание?

Цзян Юньцзюань слегка кивнула:

— Мгм.

Старик Хэ знал, что она вернулась раньше только ради Вэнь Цин, и поспешил добавить:

— Жена сказала, что уже готова, и ждет вас в гостиной.

Цзян Юньцзюань нахмурилась:

— Она сказала, что готова?

Старик Хэ опешил — что это значит?

— Да, госпожа Цзян, она сама так сказала.

— Понятно, — ответила Цзян Юньцзюань.

Она уже распорядилась, чтобы за ночь навели справки о Вэнь Цин. Отчет, лежавший утром на её столе, гласил: Вэнь Цин посещала только бары или салоны красоты, иногда — приюты. В общем, на те курсы, о которых она заявляла, она почти никогда не ходила.

Поэтому в том, что Вэнь Цин умеет играть на суоно, Цзян Юньцзюань глубоко сомневалась.

Точнее, она в это совсем не верила!

В сопровождении Старика Хэ, который следовал за ней по пятам, Цзян Юньцзюань вошла в дом.

— Тот суоно, что вы заказывали, мы передали жене сразу по её приходу, — продолжал докладывать Старик Хэ. — Как вы и велели, она открыла его сама.

Цзян Юньцзюань остановилась:

— И какая была реакция?

— А? — Старик Хэ замялся. — Ну... лицо у жены было то красное, то белое.

Цзян Юньцзюань усмехнулась:

— Отлично.

Отлично? Что тут отличного?

Старик Хэ не понимал, но продолжал:

— Она только что сказала, что готова. Думаю, как только вы войдете, она сразу начнет.

Они подошли к дверям гостиной. Старик Хэ поспешил их открыть.

Но как только дверь отворилась и Цзян Юньцзюань сделала шаг на порог, она услышала, как Вэнь Цин, указывая на неё, орет во всю глотку:

— Тварь! Убирайся! Проваливай сейчас же! Чтобы я тебя больше никогда не видела!

Цзян Юньцзюань замерла.

Тишина.

Мертвая тишина.

Когда Вэнь Цин увидела Цзян Юньцзюань, она впервые в жизни поняла, что значит провалиться сквозь землю.

Снег кружится, северный ветер воет...

Ей стало так холодно, что, казалось, она слышит шепот Ван Чжаоцзюнь: Родные цветы сливы расцвели? Зима пришла, сердце растаяло. Под белыми сливами на закате, время возвращаться домой. Те, кто зарился на мою красоту, пусть остынут под ледяной коркой.

Вэнь Цин подумала, что ей самой не помешало бы остыть.

Ей вдруг захотелось рассмеяться и сказать Цзян Юньцзюань: если я скажу, что ругала не вас, вы поверите?

Не поверит...

Конечно, не поверит...

Даже она сама себе не верит, что уж говорить о Цзян Юньцзюань.

В конце концов, Цзян Юньцзюань — властный президент, покоряющий деловой мир, она же не дура.

Вэнь Цин не нужно было смотреться в зеркало, чтобы понять: её лицо сейчас выглядит хуже, чем у плачущего человека.

Она даже перестала слышать тиканье старинных часов в гостиной, а её сердце, обычно весело стучавшее в груди, словно замерло.

Время остановилось.

И если бы этому моменту можно было назначить срок, она бы сказала: десять тысяч лет.

Старик Хэ прослужил в семье Цзян долгие годы и повидал многое.

Но сейчас, когда он услышал, как жена госпожи Цзян орет на неё, обзывая тварью, он вдруг почувствовал, что ему не хватает воздуха.

В конце концов, в глазах всех слуг жена всегда была такой статной, такой нежной и доброй — она даже старалась не наступать на муравьев, боясь навредить этим милым созданиям.

А теперь эта нежная и добрая женщина кричит на госпожу Цзян, называя её тварью.

Если бы можно было выразить его чувства модным словечком, это было бы: я больше не верю в любовь.

А жена, о чем-то задумавшись, стояла с отсутствующим видом.

Старик Хэ осторожно спросил:

— Госпожа Цзян, мы... может, все-таки войдем?

Лицо Цзян Юньцзюань было пепельно-серым. Она стояла неподвижно, ледяным взглядом сверля Вэнь Цин:

— Как ты меня сейчас назвала?

Вэнь Цин была готова расплакаться. Она выдавила из себя смешок:

— Я... я это...

И снова замолчала.

Снова мертвая тишина.

Внезапно, прежде чем кто-либо успел среагировать, из-под журнального столика в гостиной выскочила уродливая плешивая собака.

Она рванула прямо к Цзян Юньцзюань, словно обезумев.

Вэнь Цин первой пришла в себя и закричала:

— Цзян Юньцзюань, осторожно!

Но это была ложная тревога. Собака, словно поняв, что с Цзян Юньцзюань шутки плохи, в последний момент обогнула её и бросилась к выходу.

БАМ!

Раздался громкий звук. Собака врезалась головой в дверную панель.

Она на три секунды остолбенела, затем шатаясь поднялась, выставила две черные грязные лапы и, как ни в чем не бывало, толкнула прозрачную стеклянную дверь.

Встав на задние лапы, она нетвердой походкой вышла наружу, выглядя так же безмятежно, как старый дед, вышедший на прогулку.

Вэнь Цин: ...

Она мысленно взвыла: Пёсья система, ты можешь хотя бы помнить, что ты собака! Ты видела хоть одну собаку, которая ходит как ты?

В её голове раздался голос Жухуа:

— Опusti детали, в бульварных романах логика не нужна. Вэнь Цин, я помог чем мог. Знаю, что с деньгами сейчас туго, но в следующий раз не забудь оплатить услуги, ладно?

Вэнь Цин: ...

Ей было не до системы. Она сделала широкий шаг к Цзян Юньцзюань и с искренней заботой спросила:

— Цзян Юньцзюань, с тобой... с тобой всё в порядке?

Цзян Юньцзюань с недовольным видом холодно спросила:

— Откуда она взялась?

— А? Откуда? — Вэнь Цин замотала головой. — Я не знаю. Я как раз тренировалась на суоно, и она вдруг выскочила. Может, соседская собака.

— Соседская?

Цзян Юньцзюань сомневалась.

Поразмыслив, она посмотрела на Старика Хэ:

— Пусть кто-нибудь поищет, чья это собака, и вернет хозяевам.

Старик Хэ кивнул:

— Слушаюсь, госпожа Цзян.

Он вышел, прикрыв за собой дверь. Цзян Юньцзюань вошла в гостиную, Вэнь Цин последовала за ней.

Цзян Юньцзюань подошла к темно-коричневому кожаному дивану, села и сделала глоток кофе, который только что принесли.

Вэнь Цин села рядом, но намеренно оставила дистанцию в одного человека.

Цзян Юньцзюань поставила чашку и не спеша спросила:

— Готова?

— Э-э...

Готова?

Готова она была разве что к провалу!

Вэнь Цин вдруг осенило. Она надула губки и кокетливо произнесла:

— Я-то была готова, но эта собака сломала суоно, который ты мне подарила! Он больше не звучит! Хм! Я так расстроена...

В одно мгновение Вэнь Цин превратилась в великую актрису. Она чувствовала себя Николь Кидман в Мулен Руж, Джоди Фостер в Молчании ягнят!

Что там Золотой глобус? Оскар — вот её истинное призвание!

Честно говоря, Цзян Юньцзюань ни на грош не поверила в этот спектакль.

Вэнь Цин обычно говорила притворным слабым голоском, но редко вот так кокетничала. Это выглядело как плохая актерская игра, лишенная всякого доверия!

Она молча наблюдала за представлением.

Вскоре Вэнь Цин придвинулась ближе и взяла её под руку:

— Цзян Юньцзюань... я ведь просто хотела отругать ту паршивую собаку, ведь она сломала твой драгоценный подарок! Он стоил тридцать миллионов, мне так больно!

Цзян Юньцзюань слегка нахмурилась, постукивая длинными пальцами по колену.

Это была её привычка — так она делала всегда, когда не могла что-то понять.

Она думала, говорит ли Вэнь Цин правду, но охрана резиденции Цзян всегда была на высоте. Как собака могла так удачно появиться в гостиной? И так удачно сломать именно суоно?

— И правда сломан? — сухо спросила Цзян Юньцзюань.

Вэнь Цин с самым несчастным видом кивнула:

— Да-да, сломан!

Говоря это, она локтем случайно коснулась чего-то мягкого и невольно опустила взгляд.

Ц-ц! Цзян Юньцзюань достойна звания главной героини романа. Мы обе женщины, почему у неё грудь на размер больше?

Ц-ц-ц... Посмотрите на эти формы, даже в деловом костюме они выглядят так вызывающе!

Нет, она ни за что не проиграет главной героине!

С сегодняшнего дня она будет есть папайю каждый день!

Цзян Юньцзюань заметила нескромный взгляд Вэнь Цин.

В этот момент вошел Старик Хэ и увидел, как Вэнь Цин держит Цзян Юньцзюань под руку и в упор разглядывает её грудь.

Старик Хэ покраснел и про себя прошептал: не смотри, не смотри...

Он тихо кашлянул и почтительно произнес:

— Госпожа Цзян, собака исчезла. Мы всё обыскали, но её нет.

Цзян Юньцзюань заметила взгляд Старика Хэ и, кажется, всё поняла. Она повернула голову и увидела Вэнь Цин, чей взгляд был прикован к её груди.

— ...

Цзян Юньцзюань одарила её гневным взглядом.

Вэнь Цин испуганно дернулась, тут же отпустила руку и села ровно.

— Раз сломан, — холодно распорядилась Цзян Юньцзюань, — иди в комнату коллекций, пусть тебе дадут новый суоно.

Вэнь Цин опешила.

Что?

Старик Хэ уточнил:

— Э-э... госпожа Цзян, вы имеете в виду тот, что за пятьдесят миллионов?

— ...

Тридцати миллионов мало, теперь пятьдесят?

Этот мир Мэри Сью вообще лишен логики?

Что ни вещь, то десятки миллионов?

Почему она раньше не замечала, что Цзян Юньцзюань так сложно провести?

И главное...

Сколько, черт возьми, суоно она для неё приготовила?!

— Хорошо, госпожа Цзян.

Старик Хэ собрался уходить, но Вэнь Цин замахала руками:

— Н-не надо! Я попробую еще раз, может, этот суоно еще можно использовать...

Цзян Юньцзюань с усмешкой посмотрела на неё:

— О? А почему теперь вдруг можно?

— Конечно... — Вэнь Цин судорожно вздохнула и выдавила улыбку: — Мгм, думаю, он сломан не так сильно, как я думала.

— Тогда начинай, — сказала Цзян Юньцзюань.

Вэнь Цин набралась смелости, встала, поклонилась Цзян Юньцзюань и, как конференсье, объявила:

— А теперь, прошу послушать, соло на суоно «Любить тебя десять тысяч лет», исполнитель — Вэнь Цин.

Цзян Юньцзюань нахмурилась.

«Любить тебя десять тысяч лет»?

Была не была!

Вэнь Цин стиснула зубы. Она поставила на кон свои последние шесть юаней и восемьдесят четыре фэня, всё своё состояние. Она надеялась, что такой бизнес-магнат, как Цзян Юньцзюань, никогда не слушает поп-музыку!

Конечно, в глубине души звучал голос: а что, если она слышала?

Но как такое возможно?

Цзян Юньцзюань проводит всю жизнь в небоскребе Цзян, если и слушает что-то, то симфонии, как она может знать попсу?

В любом случае, отступить некуда!

С этой мыслью она подбежала к инструменту, чтобы взять тот самый суоно за тридцать

миллионов.

Глядя на ловкие движения Вэнь Цин, Старик Хэ удивился: как жена может так быстро бегать на высоких каблуках?

Словно... кролик?

Непонятно почему, наблюдая за её проворством, он вдруг вспомнил случай трехлетней давности.

В тот день Цзян Юньцзюань похитили бандиты. Он лично повез выкуп.

Столкнувшись с жестокими преступниками, он держался стойко. Хотя бандиты решили убить заложницу даже после получения денег, под градом пуль он не обмочился от страха, как другие.

Он даже помнил, как в том заброшенном цеху какая-то молодая девушка тащила на спине Цзян Юньцзюань.

Та девушка тоже бегала так быстро, словно участвовала в марафоне. Пули свистели вокруг, но ни одна не попала — она увернулась от всех.

За всю свою жизнь он такого не видел...

Чтобы человек бежал быстрее кролика.

Тогда та девушка, таща на себе потерявшую сознание Цзян Юньцзюань, безумно кричала:

— Одна пуля — восемьдесят восемь!

— Две пули — восемьдесят восемь!

— Три пули — восемьдесят восемь!

— Четыре пули!

— А-а-а-а-а!

— Я сейчас сдохну!

— 888888888888!

[Примечание: со слов Ван Чжаоцзюнь из игры «Honor of Kings»]

<http://bllate.org/book/21446/2191734>